Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(4). С. 127–136
DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-127-136

Check for updates

«Командный дух» в борьбе с угрозами безопасности

Н.В. Гавриленко

Московский государственный институт международных отношений МИД России (университет)

Рецензия на книгу: Berling T.V., Gad U.P., Petersen K.L. and Wæver O. 2022. *Translations of Security: A Framework for the Study of Unwanted Futures.* Routledge. 235 p. DOI: 10.4324/9781003175247

Ключевые слова: перевод безопасности, зона перевода безопасности, нежеланный вариант будущего, секьюритизация, гибридные акторы, транснациональное гражданское общество, индивидуальные субъекты, «лица со сверхспособностями»

Критическое рассмотрение вопросов безопасности является одним из наиболее популярных направлений исследований среди международников, так как оно бросает вызов традиционным представлениям о происходящих на мировой арене событиях и позволяет иначе посмотреть на политические процессы, предлагая более сложную картину реальности.

Проблема секьюритизации угроз была концептуализирована ещё в 1990-е гг. благодаря представителям Копенгагенской школы (Buzan et al. 1998). С тех пор предложенный ими теоретический взгляд на преодоление возникающих вызовов подвергался критике со стороны оппонентов, в частности Парижской школы, а также многочисленным уточнениям, посредством которых учёные пытались внести свой собственный вклад в развитие дискуссии.

Авторы книги «Переводы безопасности: модель изучения нежеланных вариантов будущего», а именно Т.В. Берлинг, У.П. Гад, К.Л. Петерсен и У. Уэвер, критически относятся к положениям обеих школ, отмечая при этом целесообразность их совместного применения для внесения аналитической ясности. Учёные убеждены, что этот подход позволит выявлять изменения в управлении безопасностью и оценивать их эффективность (с. 8). Так как в теоретической

УДК 327
Поступила в редакцию: 15.05.2023
Принята к публикации: 09.08.2023

основе работы присутствуют элементы Парижской школы, авторами отмечается, что «безопасность» как практическая область уже давно подразумевает под собой взаимодействие между представителями различных профессий и дисциплин. В связи с этим необходимо определить, как в ходе перевода конструируется понятие безопасности, и как та или иная повестка дня воплощается в повседневных практиках различных агентов.

Первые две главы книги посвящены теоретико-концептуальным основам исследования. Авторы отталкиваются от двух терминов: «перевод» и «зона перевода». Первый подразумевает под собой процесс, в ходе которого разные представления о том, как справляться с нежеланными вариантами будущего, сталкиваются друг с другом. Второй используется для обозначения точки наблюдения, которая описывает, как непосредственно осуществляется перевод и обсуждаются новые представления. Сами нежеланные варианты будущего (англ. 'unwanted futures'), являющиеся предметом дискуссий специалистов, возникают на основе состояния незащищённости, рисков, неустойчивости, катастроф и угроз мирового масштаба. Учитывая комплексность вызовов, с которыми приходится сталкиваться в XXI в., возникает необходимость решать их совместными усилиями. Между тем довольно долго не было понимания того, как именно представителям разных сфер и групп населения удавалось договориться о нужных переводах. Осознавая эту проблему, авторы книги поставили перед собой цель разработать необходимую теоретическую модель.

Рассматривая подходы к практике перевода, учёные делают акцент на трёх из них. Первый относится к теологии и строится вокруг тезиса об идеальной, неискажённой передаче смысла независимо от контекста. Второй лежит в основе системной теории Н. Лумана, который утверждает, что перевод невозможен, поскольку представления, свойственные разным подсистемам, несопоставимы (англ. 'incommensurable') между собой, так как существуют исключительно внутри них и лишаются смысла при выходе за их границы (Luhmann 1992). Третий находит своё отражение в акторно-сетевой теории Б. Латура и М. Каллона. В их представлении перевод осуществим, причём в результате него возникает совершенно новое знание (Callon, Latour 1981: 279). Т.В. Берлинг и её соавторы используют в книге положения двух последних теорий, понижая при этом степень их категоричности. Так, от «несопоставимости» Лумана они переходят к «искажению» П. Бурдьё, тем самым указывая на то, что перевод всё же возможен, но с неточностями (Bourdieu 1991). Что касается Латура и Каллона, авторы книги ссылаются на теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа, делающую акцент на практиках артикуляции (Laclau, Mouffe 1985: 105). За счёт этого они подчёркивают, что новый перевод действительно возникает, но не как нечто самоопределяющееся, а как результат ранее существовавших дискурсов (с. 36).

Так, в книге предлагается теоретическая модель анализа возникновения новых представлений о нежеланных вариантах будущего, которую можно перевести в трихотомию «воплощение/идеал – несопоставимость/искажение –

возникновение/артикуляция». За счёт своего подхода исследователи пытаются показать, что в каждой конкретной ситуации имеют место собственные представления о безопасности. При этом учёные подчёркивают, что речевые акты, в которых отражаются эти подходы, должны в меньшей степени рассматриваться как самореферентные и в большей – как следствие из предыдущих дискурсов, практик, институтов и психологических условий (с. 40).

В главах, посвящённых практическому применению модели, авторы анализируют три пары концептов: «профессионал – любитель», «культура – цивилизация», «масштаб – сети». Сформированы они были в соответствии с видами дифференциации по Н. Луману: функциональной, сегментационной и стратификационной. Рассмотрим каждую по отдельности.

Профессии и дисциплины одинаково значимы в повседневной жизни, особенно если речь идёт о вопросах безопасности. Однако в классическом представлении они отличаются друг от друга ввиду разного функционального наполнения. Если деятели науки производят знание, то профессионалы его применяют, используя существующие у них навыки. На фоне возникновения новых типов угроз сотрудничество между этими двумя группами экспертов становится всё более востребованным. Тем не менее это не всегда возможно ввиду особенностей конкретных профессий и дисциплин, а также подходов, применяемых в ходе осуществления деятельности. Так, авторы приводят в качестве примера привлечение антропологов к военной кампании США в Афганистане. Практически с самого начала данная инициатива была обречена на провал, поскольку многие учёные не были готовы поступиться своей профессиональной этикой. Они не хотели, чтобы местные жители, с которыми им нужно было работать, оказались под угрозой смерти вследствие участия в исследовании. Однако главная проблема заключалась в том, что для антропологов было важно провести полный анализ ситуации, а военным нужен был быстрый способ урегулирования конфликта и понимание того, как вести себя при контактах с населением: «жать руку или бросать гранату» (с. 60). Таким образом, несоответствие представлений и невозможность их обсуждения приводит к неудачным попыткам перевода.

Среди международных практик взаимодействия между экспертами есть и успешные попытки выработки общего понимания безопасности, причём встретить их можно не только в наше время, но и в ретроспективе. По нашему мнению, ярким примером является деятельность секретной организации Inquiry, созданной в 1917 г. в США по инициативе В. Вильсона для подготовки американской делегации к мирным переговорам в Париже. Это событие создало прецедент в истории государства, ибо впервые в процесс определения внешнеполитического курса оказалось вовлечено так много представителей научной сферы – около 150 человек (Gelfand 1963). Среди политологов высказывается позиция, что с появлением организации зародились международные отношения как дисциплина, которую на начальных этапах следует рассматривать как

социальную формацию, подразумевающую взаимодействие правительства, гражданского общества и ученых (McCourt 2017: 395). Последний тезис имеет особое значение, так как соответствует логике повествования авторов рецензируемой книги.

В дополнение к этому, успешную практику перевода безопасности можно обнаружить и в процессе выработки позиции арктических государств по демаркации границ, который рассматривают Т.В. Берлинг и её коллеги. В нём наблюдаются ярко выраженные этапы начиная с работы картографов, переходя к юристам и заканчивая дипломатами, представляющими позицию на международном уровне (с. 74). Каким бы ни был результат переговоров с контрагентами, сам факт участия в них говорит об успешном осуществлении перевода и о конструктивном взаимодействии между экспертами из разных сфер.

Ещё одним важным аспектом, на котором заостряют внимание авторы, является вовлечение в процесс формирования представлений так называемых любителей (англ. 'amateur'). Под ними подразумеваются акторы, которые в традиционном понимании не ассоциируются с вопросами безопасности, но на фоне изменяющегося глобального политического ландшафта оказываются всё более в них вовлечёнными. Например, неправительственные организации.

Авторами выделяются и «гибридные» акторы. Они возникают с появлением новых институциональных платформ. К последним учёные относят государственно-частное партнёрство. Эффективность таких платформ находит отражение в процессе обеспечения кибербезопасности. В данном случае осуществляется взаимодействие между сотрудниками специальных служб и частных компаний, прежде всего технологических гигантов.

Наконец, с развитием интернета появились возможности и у простых людей. Так, даже визит к врачу пациента, прочитавшего перед этим на сайтах информацию, может превратиться в столкновение представлений о нежеланном варианте будущего. Встречаются также и те, кто заявляет о себе как об эксперте в военном деле после просмотра ряда видео в социальных сетях. Однако подобные «специалисты-самоучки» быстро лишаются своего статуса, когда в обсуждение оказывается вовлечён человек с более высоким уровнем знаний в том или ином вопросе (с. 82).

Резюмируя данную главу, авторы указывают на то, что в наше время сама идея профессионализма в сфере безопасности претерпевает изменения, так как всё больше и больше вопросов решаются акторами, которых раньше считали «любителями» в области. Постепенно они становятся (полу)профессионалами и обретают «транснациональную профессиональную идентичность». Вместе с ней приходят и новые представления о знании. Теперь оно воплощается не в истинах, полученных при проведении исследований, а в установленных контекстуальных действиях. Речь идёт о появлении «сообществ практики»

(англ. ‘community of practice’), которым не требуется признание со стороны государства или его граждан, что отличает их от профессионалов в традиционном понимании.

Так, получение нового знания уже является характеристикой не только научных кругов. Оно постепенно коммерциализируется и выступает в качестве опоры для мер, предпринимаемых в сфере экономики и политики. Авторы подчёркивают, что, когда исследования в сфере безопасности должны быть кому-то выгодны, возникает риск упустить из виду не только долгосрочные перспективы и потребности, но и идею общего блага (с. 92).

Последний тезис авторов является как никогда актуальным. В научных кругах всё чаще появляются исследования или делаются заявления, которые направлены не столько на получение ценного знания, сколько на продвижение нужной политической повестки. Например, преподаватели Кембриджского университета на занятиях говорят студентам о том, что англичан, шотландцев, валлийцев и ирландцев как таковых не было, а термин «англосаксонский» используется лицами, придерживающимися расистских взглядов. За счёт этого сотрудники вуза якобы пытаются бороться с проявлениями национализма и превосходства белой расы[1]. Вполне вероятно, это делается для того, чтобы представители других этносов и рас чувствовали себя в большей безопасности. Но можно ли в данной ситуации говорить об общем благе, если следствием подобных мер становится феномен «позитивной дискриминации»? Данный вопрос остаётся открытым.

Следующая глава посвящена сегментационной дифференциации между культурами. Авторы определяют их как воплощение коллективных «образов жизни» (с. 104). В контексте безопасности учёные задаются вопросом, как знание о новых проблемах, рисках и угрозах, полученное «соседями» в идентичных ситуациях, переводится и ретранслируется в собственной культуре. В качестве примера рассматривается случай, когда США получили знания о пытках в отношении террористов от своих коллег с Ближнего Востока и попытались применить их для наказания заключённых в тюрьме в Гуантанамо. Сделано это было для предотвращения нежеланного будущего, а именно новых терактов. Несмотря на то, что новые практики были использованы в благородных целях, они поставили под угрозу идентичность США и других западных государств, которые к ним прибегали. Используя пытки, эти страны отказывались от своих демократических принципов (с. 112).

[1] Simpson C. 2023. Anglo-Saxons Aren’t Real, Cambridge Tells Students in Effort to Fight ‘Nationalism’. *The Telegraph*. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2023/06/03/anglo-saxons-arent-real-cambridge-student-fight-nationalism/ (accessed 18.08.2023).

В общем и целом зона перевода между культурами подразумевает под собой встречу с Другим, в ходе которой представление контрагента о нежеланных вариантах будущего перенимается через имитацию, обучение или предписание. Стоит отметить, что некоторые практики взаимодействия между акторами могут быть институционализированы. Так, конфликт между нациями может воплощаться в виде войны. Но есть случаи, которые в меньшей степени подразумевают институционализацию и лишь свидетельствуют о стремлении извлечь из опыта контрагента положительные моменты и оптимизировать свои управленческие или демократические практики (с. 118).

Рассмотренные выше случаи подразумевают равенство и различия между культурами, что придаёт легитимности разделению мира на суверенные государства. Однако не все готовы мириться с такой перспективой и считают свой набор ценностей универсальным, что якобы даёт им право распространять его вне своих границ. В результате идентичность государства, ставшего жертвой процесса гомогенизации, оказывается под угрозой – возникает необходимость чрезвычайных мер, о которых пишут (Buzan et al. 1998). В качестве примеров Т.В. Берлинг и её соавторы приводят французские законы, вводящие запрет на голливудские фильмы, а также лингвистический пуризм в исландском языке. Однако здесь возникают сомнения относительно того, можно ли рассматривать данные курсы правительств как чрезвычайные меры в понимании Бузана, Уэвера и де Вильде. Имплементация законов имеет рутинный характер, и десекьюритизация в виде их отмены маловероятна – разве что при полном пересмотре подходов к политике в том или ином вопросе, но это случается нечасто. Что касается защиты языка, то в Исландии она осуществляется уже на протяжении двух столетий.

В конце главы акцент делается на вызовах, мешающих традиционным практикам межкультурного перевода. Во-первых, национальная идентичность оказывается под угрозой со стороны глобального гражданского общества и бизнеса. Эти группы обладают общемировым мышлением, которое не ограничивается интересами государства. Так, если НПО занимается вопросами окружающей среды, то она будет представлять своё видение нежеланного варианта будущего от лица «природы», а если проблемами неравенства – то от имени тех, чьи права ущемляются (с. 136).

Во-вторых, авторы указывают на то, что организации видят всё меньше смысла в «обучении» ради совершенствования управления нежеланными вариантами будущего. На фоне осознания непредсказуемости многих угроз практика управления рисками в организациях претерпевает изменения, и от идеи контроля переходят к повышению сопротивляемости. Всё это приводит к возникновению новых концептуальных представлений о безопасности.

Последняя практическая глава книги посвящена стратификационной дифференциации, в которой представления о нежеланном варианте будущего разграничиваются по своему масштабу. Один из главных тезисов заключается

в том, что секьюритизация угроз на одном уровне может привести к состоянию незащищённости на другом. В качестве примера авторы рассматривают ещё одну попытку США противостоять глобальной угрозе терроризма. Вашингтон пытался ретранслировать её на местном уровне в регионе, где проходит «горячая граница» (исп. 'frontera caliente') сразу трёх государств: Аргентины, Бразилии и Парагвая. Данный выбор был обусловлен заявлениями о том, что там якобы базировались террористы, в связи с чем возникла необходимость направить туда вооружённые силы для обеспечения безопасности. Однако местное население такое представление о нежеланном варианте будущего не признало. Связано это было с тем, что для жителей состояние безопасности проявлялось в иных аспектах, а именно благополучии, доступе к образованию и наличии продовольствия (с. 136). Иными словами, попытка перевода оказалась неуспешной.

По нашему мнению, подобный взгляд на поиск общего представления о будущем дополняет теорию (ин)секьюритизации Парижской школы. Согласно ей попытка обеспечить чью-либо безопасность непременно ведёт к состоянию незащищённости (Гайдаев 2022: 14). Так, переход угрозы с одного уровня на другой привносит в концептуальный подход школы более выраженное международное измерение, которое изначально прослеживается не столь очевидно. Но важно сделать оговорку, что такое видение применимо только в том случае, если перевод безопасности оказался неудачным.

Кроме того, благодаря стратификационной дифференциации Парижская школа получает преимущество в теоретическом споре с Уэльской. Хотя в самой книге о последней речь не идёт, её подход к проблеме секьюритизации также подразумевает перенос, но исключительно с индивидуального уровня на глобальный (Linklater 2007: 63), что ограничивает её применимость в анализе международных проблем.

Хотя дифференциация по масштабу сохраняет свою актуальность, она сталкивается с проблемой в виде сетей на фоне развития информационно-коммуникационных технологий, что ставит под сомнение само разграничение на уровни или иерархию. В дополнение к этому, изменения претерпевают представления о территориальности. Хотя сети не ограничены географически, они всё же присутствуют в физическом мире, поскольку поддерживаются за счёт материальных составляющих. Киберпространство зависит от серверов и точек доступа, а террористические сети – от физических или электронных коммуникаций.

Наконец, авторы отдельно отмечают изменения в представлении об «индивидуальном субъекте», который теперь воспринимается не только как человек, но и источник информации, что делает его защиту чрезвычайно трудной и децентрализованной задачей. В дополнение к этому, учёные подчёркивают возрастающую роль «лиц со сверхспособностями» (англ. 'super-empowered individuals), которые имеют доступ к сетям и представляют угрозу национальным правительствам. Они оказываются ещё одним примером «гибридных» акторов. Им неважно географическое местоположение ввиду возможности осуществлять

свою деятельность из любой точки мира; тем не менее их влияние во многом определяется охватом, который предоставляет сеть, взаимодействием с другими людьми и необходимыми атрибутами. В качестве яркого примера авторы приводят Э. Сноудена (с. 188).

В завершающей главе книги Т.В. Берлинг и её коллеги обозначают ключевые моменты и предлагают читателям внести вклад в дискуссию вокруг теоретико-методологической основы анализа переводов безопасности. Как вспомогательный инструмент они предлагают инструкцию к проведению исследований.

Рецензируемый труд оставляет положительное впечатление. Авторам удаётся достичь этого эффекта за счёт логичного изложения информации и привлечения обширной эмпирической базы – всего в практических главах используется 24 истории, на основе которых строится аргументация учёных. Нельзя не отметить, что в ходе повествования исследователи напоминают читателю ключевые термины и их значения, а в начале каждой практической главы дается краткое описание проделанной ранее работы.

Несмотря на достоинства, в книге обнаруживаются и недостатки, на которые необходимо обратить внимание. Во-первых, феномен перевода в практике секьюритизации угроз не является чем-то новым, ибо учёные уже относительно давно рассматривают вопросы безопасности через подобную призму (Stritzel 2014). Рецензируемое исследование является лишь попыткой авторов дополнить существующие наработки и представить их в систематичном виде, что, безусловно, упрощает восприятие информации. Но сама теоретическая модель, которую предлагают Т.В. Берлинг и её коллеги, не кажется столь оригинальной. Так, Б. Мауте и Т. Уэбб ранее уже соотносили и сравнивали системную теорию, акторно-сетевую теорию и теорию сложности, анализируя их представления о трех ключевых понятиях: сетях, переводе и знании. Исследователи пришли к ожидаемому выводу, что все подходы не предлагают полную картину действительности, поскольку акцентируют своё внимание на разных аспектах, но при этом имеют право на существование (Mauthe, Webb 2013). По нашему мнению, даже если принимать во внимание тот факт, что авторы рецензируемой книги сужают объект исследования до проблем безопасности, представляя тем самым научную новизну, им следовало не упускать из виду теорию сложности, поскольку в её положениях присутствуют элементы, соответствующие логике повествования учёных.

Во-вторых, концепты «несопоставимости» и «искажения» не кажутся столь сочетаемыми, как утверждают авторы, что становится очевидно после изучения некоторых неудачных попыток перевода безопасности, когда представления между агентами настолько разные, что между ними нет взаимопонимания. Безусловно, несовместимость представлений проявляется не во всех случаях, однако отождествление подобного исхода с искажением не оправдано. Имеет смысл пересмотреть модель и вместо трихотомии внедрить в неё, например, четыре компонента.

Вероятно, что концепт Бурдьё сочетался бы как раз с теорией сложности. Согласно ей, у агента формируется представление о ситуации, отличное от того, что возникает у контрагента, поскольку данный процесс определяется не только контекстом, в котором происходит «встреча», но и особенностями её участников (Mauthe, Webb 2013: 253). По нашему мнению, именно так и проявляется искажение при переводах безопасности.

Резюмируя все изложенное выше, подчеркнём, что книга заслуживает прочтения, потому что в ней поднимаются насущные вопросы. Описываемые авторами процессы происходят фактически в режиме реального времени, и иметь представление об их теоретическом измерении и особенностях крайне важно. Аргументы учёных заставляют иначе посмотреть на представления о безопасности и задуматься о том, что будет дальше. Данный труд будет интересен всем, кто имеет отношение к теории и практике мировой политики, в особенности специалистам в сфере критических исследований безопасности.

Об авторе:

Никита Владиславович Гавриленко – магистр, МГИМО МИД России.
Email: gavrilenko.n.v@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327
Received: May 15, 2023
Accepted: August 9, 2023

«Community Spirit» in Tackling Security Threats

N.V. Gavrilenko
DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-127-136

MGIMO-University

Book review: Berling T.V., Gad U.P., Petersen K.L. and Wæver O. 2022. *Translations of Security: A Framework for the Study of Unwanted Futures.* Routledge. 235 p. DOI: 10.4324/9781oo3175247

Keywords: translation of security, translation zone, unwanted future, securitisation, hybrid actors, transnational civil society, individual subjects, 'super-empowered individuals'

About the author:

Nikita V. Gavrilenko – Master in International Relations, MGIMO-University.
Email: gavrilenko.n.v@my.mgimo.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Bourdieu P. 1991. *The Political Ontology of Martin Heidegger.* Stanford University Press. 138 p.

Buzan B., Wæver O. and de Wilde J. 1998. *Security: A New Framework of Analysis.* Lynne Rienner Publishers. 239 p.

Callon M., Latour B. 1981. Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macrostructure Reality and How Sociologists Help Them to Do So. Knorr Cetina K. and Cicourel A.V. (eds) *Advances in Social Theory and Methodology. Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociologies.* Routledge and Kegan Paul. P. 277-303.

Gelfand E. 1963. *The Inquiry: American Preparations for Peace, 1917–1919.* Yale University Press. 387 p.

Laclau E., Mouffe C. 1985. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics.* Verso. 197 p.

Linklater A. 2007. *Critical Theory and World Politics: Citizenship, Sovereignty, and Humanity.* Routledge. 240 p. DOI: 10.4324/9780203960905

Luhmann N. 1992. 'Operational Closure and Structural Coupling: The Differentiation of the Legal System'. *Cardozo Law Review.* 13(5). P. 1419-1441.

Mauthe B., Webb T.E. 2013. In the Multiverse What Is Real? Luhmann, Complexity and ANT. Cour A. and Philippopoulos-Mihalopoulos A. (eds) *Luhmann Observed: Radical Theoretical Encounters.* Palgrave Macmillan. P. 243-262. DOI: 10.1057/9781137015297

McCourt D.M. 2017. The Inquiry and the Birth of International Relations, 1917–19. *Australian Journal of Politics and History.* 63(3). P. 394-405. DOI: 10.1111/ajph.12376

Stritzel H. 2014. *Security in Translation: Securitization Theory and the Localization of Threat.* Palgrave Macmillan London. 223 p. DOI: 10.1057/9781137307576

Gaidaev O.S. 2022. «Ostorozhno, bezopasnost'!» Teoriya (in)sek'yuritizacii i Parizhskaya shkola issledovanij mezhdunarodnoj bezopasnosti [«Danger: Security»! Securitization Theory and the Paris School of International Security Studies]. *MGIMO Review of International Relations.* 15(1). P. 7-37. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37

Список литературы на русском языке:

Гайдаев О.С. 2022. «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности. *Вестник МГИМО-Университета.* 15(1). С. 7-37. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37